Кажется, это началось еще вчера. Во всяком случае, вчера это зареванное лицо с трясущимися губами появилось в каком-то третьестепенном паблике. За несколько часов оно доросло уже до серьезных медиа-ресурсов. Утром пришло сообщение от приятеля-фотографа: «Уже видел?» И ссылка. Открывать он не стал. Затем эту же ссылку прислала начальница юрдепартамента солидной компании, в присутствии которой он подписал уже с десяток контрактов. Юристка была толстой теткой с обвисшими щеками, чей наивно-вожделенный взгляд, устремленный на него, всегда бывал так комичен, что, против обыкновения, не утомлял, а даже забавлял иногда. Видимо, она считала деловую улыбку, которой он ее удостаивал, знаком ее доступа в его «ближний круг», поэтому сопроводила свое сообщение комментарием «Мне так жаль» и игривыми смайликами. Смайлики не очень вязались с тем, что ей чего-то жаль, поэтому он опять промотал ленту дальше и забыл.

И лишь спустя час, когда он вышел к столу после тренажеров и душа, свежий, умиротворенный и довольный собой, он, наконец, узнал, в чем дело. Мэл, закрыв было ролик на ноутбуке при его появлении и поняв, что он это заметил, сделала милую сочувственную гримаску.

- Ты уже знаешь, да? Не обращай внимания. Очередная эгоистка, которая хочет сорвать самые вкусные яблоки, не вставая с дивана. Уверена, что все это было не всерьез. Удивляюсь, зачем «Делари» поставили ее в топ. Вроде бы не совсем таблоид.

Он уже начал интуитивно догадываться, и от этой догадки в душе у него вырвался усталый вздох. Но внешне он не показал виду.

- О чем я должен знать? – равнодушно спросил он, с наслаждением засовывая в рот первую ложку овощного салата.

Его прекрасное тело стоит таких мучений! Пробежка, тренажеры до седьмого пота; а потом, вместо желанной награды в виде яичницы с беконом – лишь хруст этих помидоров и перцев. Хорошо еще, что разрешен соленый сыр. Иначе утро вообще потеряло бы смысл. Что поделаешь – ему уже не двадцать, и бекон предательски откладывается складками на боках, чего никак нельзя допустить. Допустить можно все, что угодно, даже лысину (хотя боже, о чем это он!), но только не живот и не бока. Поэтому - бекон возможен только раз в неделю. А сегодня будет только салат с сыром, потом фрукты и кофе с заменителем сахара. Что, вобщем-то, тоже неплохо, потому что он страшно голоден…

- Ну, эта фанатка, которая устроила театральную постановку с суицидом и успешно словила хайп…

- Надеюсь, это была не моя фанатка? – спросил он, не переставая жевать; увы, он уже прекрасно понимал, что это была именно его фанатка.

Ибо последние десять лет весь мир вокруг был наполнен только его фанатками. И тут не было ни грамма завышенного самомнения. Напротив, он бы предпочел, чтобы мир снова стал таким же, как прежде, когда он состоял из обычных, в чем-то даже милых людей, которые спокойно проходили мимо, не замечая его. Но примерно десять лет назад миром начала постепенно овладевать какая-то страшная эпидемия. Обычные, нормальные женщины (многие мужчины тоже, хотя симптомы у них, к счастью, были не такие отвратительные) вдруг стали превращаться в зомби, одержимых желанием в любой форме обладать им. Зараза распространялась довольно быстро. С каждым днем он все реже и реже встречал незараженных женщин (которые бы, например, не узнавали его на улице и в связи с этим не кидались тут же делать с ним сэлфи). И в какой-то момент незараженные исчезли совсем.

Прежде такой дружелюбный мир отныне стал опасным полем боя. А люди разделились на две неравные части: очень маленький ближний круг (где, правда, тоже полно влюбленных в него женщин, но они утешаются иллюзией «доступа» и потому ведут себя прилично), и огромный – внешний. Во внешнем мире на каждом шагу его подстерегает опасность. Почти все населяющие его женщины при виде его немедленно превращаются в кукол с остекленевшими глазами, которые либо глупо хохочут, либо алчно кидаются к нему, как к самому лакомому куску, готовясь пожрать.

С тех пор, как это началось, он уже не мог спокойно выйти на улицу, пойти в магазин, в кино или посидеть в кафе, как всегда любил. Но самое страшное – он не мог забыться и уйти в себя, предоставив своему лицу выглядеть так, как ему вздумается. Ибо немедленно он слышал рядом с собой хриплый шепот: «Смотри, это же…» и видел боковым зрением эти ужасные выставленные вперед прямоугольники телефонов. Ну а потом, конечно, в интернете появлялись его отвратительные жующие фотографии. Ну почему, почему раньше никому не приходило в голову наблюдать, как он жует?

Разумеется, он всегда хотел быть великим актером, кумиром миллионов, лицом с обложки и т.д. Но… видимо, он ожидал, что это происходит как-то по-другому. Восторженные толпы поклонниц, конечно, должны быть; как же без них, они суть материя его славы. Но в его юношеских мечтах эти толпы статисток собирались в каких-то строго определенных местах, где им положено. Ну, например, у ворот театра, чтобы получить автограф. Или за спинами охранников по обеим сторонам ковровых дорожек мировых кинофестивалей. Там они могут вволю визжать и снимать его на телефон, чтобы потом наводнять снимками интернет. В данном случае - идеальными снимками, потому что на ковровой дорожке он будет во всеоружии своей улыбки. Ну и, само собой, гипотетическим фанаткам позволялось оптом скупать билеты на его фильмы и спектакли. Но после этого – все! Выполнив функцию восторженной массовки, фанатки волшебным образом улетучивались, оставляя его в покое.

И вот тут-то, как выяснилось, он жестоко ошибся. Оказалось, что мир у него и у фанаток – общий. И спрятаться от них негде. Не было больше парков, где можно было спокойно побегать, наслаждаясь свежим воздухом и музыкой из наушников. Не было шумных городских улиц с их уютными кафе и кинотеатрами, где он, отнюдь не разделявший принятого в литературе ужаса перед каменными джунглями, любил часами путешествовать. Не было больше поездок по трогательным сельским достопримечательностям с фотоаппаратом. Не было океанских пляжей, где можно было подолгу валяться на песке, лениво наблюдая на серфингистами. Все исчезло. Большой мир захлопнулся для него. Нет, разумеется, появились элитные закрытые пляжи и вип-вечеринки, куда их с Мэл доставлял охранник. Но по уровню свободы передвижения он скорее потерял, чем приобрел.

Впрочем, философски размышляя в этом духе, он понимал (а он всегда старался быть объективным и гордился этим), что никогда бы не променял нынешнюю влюбленную осаду на то безразличие, с которым окружающие смотрели на него в юности. Слава его утомила, это да. Но он привык к этому утомлению и, безусловно, почувствовал бы потерю, если бы все это вдруг исчезло.

В конце концов, с фоновомым восторженным гулом можно было бы смириться, если бы все фанатки выражали свою любовь в определенных, благопристойных формах. Ну, например, забивали бы своими любовными признаниями посвященные ему паблики в соцсетях, которые он уже лет десять как не читал. Один-два истеричных прорыва сквозь охрану около театра, чтобы повиснуть у него на шее, раз в месяц тоже можно было бы стерпеть. Эти прорывавшиеся девицы имели вид автоматов, выполнявших нехитрую программу. Более того, они «заводились» за счет энергии тысяч таких же, как они; он был уверен, что большинство его фанаток решали

влюбиться в него именно потому, что так сделали другие. А стадному чувству не стоило придавать большого значения.

Но пару раз случались действительно неприятные эксцессы. Вот, примерно, как сейчас. Иной фанатке нет-нет да и захочется победить конкуренток, вырвавшись вперед перед стадом. Для этого нужно совершить что-то экстраординарное. Правда, даже в экстраординарном жанре они выбирают самое банальное и предсказуемое… Впрочем, как говорил его директор Джим, «скажи спасибо, что они пытаются убить себя, а не тебя». Да уж, стать вторым Джоном Ленноном такой ценой он бы не хотел. Тем более, что его бы забыли все-таки быстрее, чем Леннона. На этот счет он не обольщался.

В общей сложности он припоминал трех так называемых «трагических» фанаток. Одна довольно гнусно преследовала его всюду, требуя… да непонятно чего. Ну в самом деле, не любви же! Все-таки даже самое ограниченное существо должно понимать, что нельзя взять и влюбиться в совершенно незнакомую женщину. Тем более ему. Скорее всего, если разобраться, она просто хотела приобщиться к нему как к символу мега-успеха. Отчасти она своего добилась: стала на какое-то время модным инфоповодом, о ней писали в таблоидах и приглашали на ток-шоу. Надо думать, это удовлетворило ее, потому что в итоге она заметно подуспокоилась и исполняла роль трагифанатки просто как привычную и приятную работу. Неприятно было лишь ему, так как волей-неволей приходилось в этом участвовать. Пусть и молча. Он принципиально никак не комментировал действия этой девицы (не очень, кстати, молодой, как ему помнится) и заранее оговаривал запрет на подобные темы в интервью.

Единственное, чего он опасался - что ее примеру могут последовать другие. Но, к счастью, тут его спасли законы шоу-бизнеса. Который, как известно, не терпит повторов. Желающие прославиться тем же способом не преминули появиться, и в большом количестве, но он уже об этом не узнал. Потому что соцсети и таблоиды не уделили эпигоншам необходимого внимания, и их попытки утонули в равномерном шуме мирового эфира.

Второй раз масс-медиа лицемерно воззвали к его совести лишь тогда, когда другая фанатка пригрозила покончить с собой. Покончить, если он не… опять-таки, непонятно что сделает. Это было какое-никакое новаторство, поэтому у нее были довольно высокие рейтинги. Ему тогда пришлось даже встретиться с ней, что-то подарить, сфотографироваться в обнимку и сказать несколько утешительных слов перед камерой. К слову сказать, эта вторая девица вызывала больше симпатии. Пусть она навряд ли привела бы свою угрозу в исполнение, но в ней не было того мерзкого расчетливого цинизма в сочетании с умственной ограниченностью, как у первой. Он понял, что ей стало стыдно. Она искренне краснела. Поэтому, очевидно, той толики внимания, которую он счел возможным ей уделить, хватило на то, чтобы утешить ее на всю оставшуюся жизнь. Она плакала от умиления и раскаяния, когда прощалась. Он и сам невольно расчувствовался при мысли, что вот так несложно смог сделать кого-то счастливым.

Но, разумеется, при всем своем природном добродушии он не имел намерения выводить спасение подобных страждущих в тираж. Он понимал, что все их любовные страдания – не что иное, как самая неприятная форма детского эгоизма. Они не удовлетворены своей жизнью (в большинстве своем, возможно, справедливо, но в этом нет его вины!). Завидев же на горизонте привлекательный символ счастья, мужской любви, красоты, успеха и т.д., они инфантильно желают непременно к нему причаститься, прилагая при этом минимум усилий. В традиционном обществе им, вероятно, не пришло бы в голову ничего большего, чем смиренное молчаливое обожание. Но в наше время, с его культом прав всевозможных сирых и убогих, почему-то предполагается, что любая ленивая толстая тетка из глубинки в принципе имеет право протянуть к нему руку и капризно сказать «хочу!» И он, который приложил для достижения своего успеха столько сил, сколько им и не снилось, должен учитывать (в

известной степени) желания этих жадных лентяек. Он, оказывается, должен их жалеть! И даже испытывать чувство вины за то, что эти создания сидят перед экранами своих ноутбуков в декорациях своих жалких жизней и бесплодно плачут о нем…

Нет, он опять-таки понимал, что именно такое активное «фанатение» формирует его славу, и что не будь десятков тысяч этих теток, ролей и приглашений у него было бы как минимум вдвое меньше. Но все-таки это было слишком утомительно. И после второго раза он так мечтал, чтобы третьего никогда не случилось! Тем более, что все трагические инфоповоды вроде как были выбраны. Но увы. Как видно, в запасе оставалось еще реальная попытка суицида (о том, что возможна реальная и успешная попытка, он предпочитал не думать). И на эту вакансию нашлась охотница.

Из страны третьего мира. Да еще и из провинции. Естественно, бедная, немолодая и некрасивая. Все данные для успешной депрессии налицо. Но и для того, чтобы он был «обязан» ее пожалеть – увы, тоже.

Да, на молодом красивом лице эти слезы смотрелись бы эстетичнее. (Впрочем, живя в мире исключительно красавиц, он был толерантен к дурнушкам). Но обладательница эстетичного лица, наверное, все же не стала полосовать себе руки бритвой из-за невозможности обладать Им. Она бы нашла, на что отвлечься – какие-никакие надежды, мужские взгляды, гипотетическое будущее (хотя какое может быть будущее в их стране!). А эта… В сущности, да, при некоторых усилиях ее можно понять. Он изо всех сил попытался заставить себя посочувствовать ей. Но понял, что не может. Просто потому, что их слишком много, а он, сочувствующий – всего один.

http://tl.rulate.ru/book/52916/1334789